

Оглавление

Введение.....	7
Благодарности	11
К вопросу о транслитерации	14

Часть первая

Становящийся Солнцем

Глава 1	
Школьник.....	21
Глава 2	
Партизан	31
Глава 3	
Комбат.....	56
Глава 4	
Вождь.....	78

Часть вторая

Путь к независимой диктатуре

Глава 5	
Новая жизнь.....	95
Глава 6	
Ким Ир Сен и его война.....	134

Глава 7	
Враги вождя	159
Глава 8	
Победа над оппозицией	175
Глава 9	
Его прощальный поклон	190

Часть третья

Вондъ-Отец и его подданные

Глава 10	
Подготовка ко второй Корейской войне.....	207
Глава 11	
Изоляция страны, набеги на Юг и идеи чучхе	216
Глава 12	
Страна вождя.....	231
Глава 13	
Товарищ генеральный секретарь и его наследник.....	262
Глава 14	
Мертвая рука Великого Вождя	300
Заключение	311
 Иллюстрации	 316
Хронология	337
Примечания.....	353
Предметно-именной указатель	423

Введение

Северная Корея — одно из самых закрытых обществ современного мира. С 1945 года этой страной правили члены одной семьи. Первым вождем КНДР был Ким Ир Сен, пришедший к власти через несколько месяцев после окончания Второй мировой войны. В 1994 году власть унаследовал его сын Ким Чен Ир, а когда сам Ким Чен Ир умер в 2011 году, новым правителем стал его сын Ким Чен Ын, внук Ким Ир Сена. В мировой истории нет другого примера наследственного режима, который правил бы страной настолько долго, сменив уже три поколения вождей, не будучи при этом монархией.

Скорее всего, читатели по крайней мере что-то слышали о Северной Корее. Эта страна регулярно появляется в новостях, чаще всего — в связи с ее успехами в разработке стратегического ракетно-ядерного вооружения. Немало известно и о повседневной жизни северокорейцев, на протяжении десятилетий живущих под неусыпным, всепроникающим государственным контролем — контролем, которому трудно найти аналоги в истории человечества.

Опасность, исходящая от северокорейского ядерного оружия, остается скорее предметом международных опасений, чем неминуемой угрозой. А вот жизнь более чем двадцати миллионов человек, чья судьба — родиться и вырасти в условиях тоталитарного государства, — это суровая и неоспоримая реальность. Эту реальность создал Ким Ир Сен — основатель династии, стоящей у руля Северной Кореи до сих пор.

Нельзя сказать, что Северная Корея не изменилась за десятилетия после его смерти в 1994 году. Северокорейская экономика ныне намного ближе к рыночному укладу, чем когда бы то ни было при Ким Ир Сене. Но во многих других сферах жизни и сейчас, когда я пишу эти строки, Северная Корея остается такой же, какой ее сделал основатель. Страна находится под тотальным контролем правящего режима; практически всем ее гражданам запрещен доступ в интернет. Все легальные потоки информации, поступающие в Северную Корею, подвергаются строгой цензуре. Границы закрыты, выехать из страны нельзя без особого разрешения. Все граждане должны показывать свою любовь и верность правящему семейству, иначе их ждет срок в тюрьме или лагере, а подчас и смертная казнь. Вся эта система была построена Ким Ир Сеном.

Уже несколько поколений сменилось с тех пор, как Ким Ир Сен пришел к власти в 1945 году. Большая часть жителей Северной Кореи не видела другой жизни — жизни не под властью Кима и его потомков.

Кто был этот человек — главный архитектор одного из самых стабильных диктаторских режимов нашей эпохи, режима, пережившего крах социалистического лагеря и отвергнувшего китайский путь реформ и открытости? Человек, сохранявший у себя в стране сталинскую систему десятилетия после Сталина и усиливший ее до такой степени, какую СССР

никогда не знал? Человек, которого и сегодня почитают почти как живого бога в стране, которой правит его внук?

О раннем периоде в биографии Ким Ир Сена, то есть о периоде до его прихода к власти в 1945 году, сведений довольно мало. Ведь тогда Ким Ир Сен не был известным человеком. Он родился в колониальной Корее в зажиточной семье школьного учителя. Семья Ким переехала в Маньчжурию, где в начале 1930-х годов он вступил в Коммунистическую партию Китая и возглавил партизанский отряд. В 1940 году он бежал в СССР и позднее служил в рядах Красной армии в звании капитана. И наконец, в 1945-м его судьба повернулась совсем необычно: он, младший офицер РККА, внезапно оказался во главе зарождающегося северокорейского государства.

Здесь стоит отметить и то, что в последующие годы северокорейские власти произвели на свет множество публикаций о ранних годах жизни Ким Ир Сена, и его официальная биография, отраженная в этих книгах, имела довольно слабую связь с его настоящей биографией. Целью официальной пропаганды КНДР было показать, что Ким Ир Сен с раннего детства был величайшим из вождей и что это его партизаны, а не советские войска разгромили Японскую империю в Корее и Маньчжурии в 1945 году. К сожалению, в условиях хронической нехватки источников научное сообщество начало относиться к этим произведениям с большим доверием, чем следовало бы. Увы, зачастую определить, что в официальных публикациях КНДР — правда, а что — очередная выдумка идеологов, бывает непросто.

Писать о биографии Ким Ир Сена — правителя Северной Кореи — тоже не так легко. Конечно, по этому периоду существует множество документов, но почти все они лежат в архивах КНДР, скрытые от внешнего мира за семью

печатами. Поэтому историку наших дней приходится опираться на немногочисленные утечки северокорейских документов и информацию из соседних стран — Южной Кореи, Китая и СССР/России.

Эту книгу ни в коей мере нельзя считать окончательной или всеобъемлющей биографией первого северокорейского вождя. Несомненно, когда КНДР фундаментально изменится — или прекратит существовать, — будущие историки расскажут людям тех времен много нового о Ким Ир Сене. Но пока никто не знает, когда это случится, и в этой книге я попытался собрать то, что мы знаем о первом вожде КНДР, используя информацию, которая доступна сейчас, на корейском, русском, английском, китайском, японском и ряде других языков. Русское издание этой книги выходит после корейского, опубликованного в 2022 году, и английского, вышедшего в начале 2025-го, и поэтому закономерно является наиболее точным из них: я смог исправить ошибки, которые были замечены как читателями, так и мной в двух предыдущих версиях.

Я надеюсь, что эта книга будет интересна читателям нашей эпохи и что определенная польза от моей работы сохранится, когда мы увидим Корею после Кимов. Так ли это будет на самом деле — судить вам, дорогие читатели.

Благодарности

Прежде всего я хотел бы поблагодарить моего отца Константина Тertiцкого, на помощь, советы и поддержку которого я всегда мог положиться при работе над этой книгой, а также мою маму Марину Филипенко и сестру Анну Тertiцкую.

Особую благодарность я бы хотел выразить своей коллеге Наталье Матвеевой. В свое время именно она подала мне идею написать эту книгу, а при работе над рукописью мне очень пригодились и советы Натальи, и ее глубокие познания в северокорейской экономической истории.

Книга, которую вы держите в руках, была выпущена издательством «Альпина нон-фикшн». Хочу выразить искреннюю благодарность как всему издательству в целом, так и его сотрудникам: Юлии Гаевской, Наталье Нарциссовой и Александре Шуваловой. Мое сотрудничество с «Альпиной» было исключительно приятным, и я рекомендую это замечательное издательство всем авторам научно-популярной литературы на русском языке. Особую благодарность хочу выразить редакторам книги Александру Соловьеву и Павлу Рудневу, вложившим немало своего труда в доработку текста.

Работы Андрея Ланькова в свое время привели меня в корееведение. На протяжении многих лет он помогал мне словом и делом — как в работе над книгой, так и во многих других проектах.

Питер Уорд — мой лучший друг, с которым мы знакомы уже почти полтора десятка лет, — прочел черновик книги перед публикацией; его советы сделали ее значительно лучше.

Огромную помощь автору этих строк оказал автор блога *botw.egloos.com* (Южная Корея); в работе над первой частью она была просто неоценимой. Однако этот человек попросил меня сохранить его анонимность, и поэтому я не называю его имени.

Я очень благодарен Шиле Миёси Ягер, одному из ведущих историков Корейской войны, и ее мужу Джиюлю Киму, историку и полковнику армии США в отставке, за их советы по шестой главе книги, посвященной этой войне.

Рукопись книги прочитали Пак Хэнун, советник южно-корейского издательства «Хануль», и мой друг Анастасия Гой. Их советы помогли автору значительно ее улучшить.

Своими уникальными свидетельствами с автором этих строк поделились Юрий Кан, живший в КНДР в 1940-х годах неподалеку от дома Ким Ир Сена, Дмитрий Капустин, работавший в советском посольстве в КНДР в конце 1960-х, Эдриан Бузо, работавший в посольстве Австралии в Пхеньяне десятилетием позже, Антон Беблер, участвовавший в приеме Ким Ир Сена в Югославии в 1975 году, Ан Чханиль, бежавший из Северной Кореи в 1979-м, и Ким Ёнхван, встречавшийся с Ким Ир Сеном в 1991 году. Я очень благодарен им за их интервью.

Кроме того, я хотел бы высказать мою благодарность Владимиру Дорохову, Ё Хёнчжуну, Ки Квансо, Ким Соён, Борису Канторовичу, Анастасии Королевой, Таисии

Лаптевой, Ли Миён, Брайену Майерсу, Оливеру Машетеру, Пак Чханпхё, Балажу Салонтаю, Игорю Селиванову, Елизавете Семеновой, Алеку Сигли, Татьяне Федоровой, Нику Хольту, Оливеру Хотхэму, Чон Сончжану и Чхве Хёнчжуну за помощь в написании книги.

Из всех архивов, в которых я собирал материалы, самыми открытыми для исследователей и приятными для работы были южнокорейский Архив Комитета по компиляции национальной истории и Российский государственный архив новейшей истории. Я бы хотел выразить свою признательность их сотрудникам и руководству.

К вопросу о транслитерации

При написании любой книги об истории Северной Кореи на русском языке автор с неизбежностью сталкивается с проблемой транслитерации. Если в русскоязычной японистике общепринятым стандартом является система Поливанова, а китаистике — «новая» система Палладия Кафарова, то в корееведении ситуация куда сложнее.

В отличие от Китая и Японии, почти всю первую половину XX века Корея не была суверенной страной. Это привело к тому, что корееведения как особой дисциплины в России и, позднее, в СССР тогда почти не существовало, корейский язык преподавался в очень ограниченном масштабе и Кореей занимались почти исключительно советские корейцы, которые записывали корейские имена и названия в соответствии с привычным им диалектным произношением. Диалект этот сильно отличается от нормативного корейского языка: например, имя корейского писателя Чхве Сохэ по этой записи писалось как Цой Се Хя. От тех же времен пошла и странная традиция разбивать корейские имена на два слова, хотя, если задуматься, записывать, например,

имя первого южнокорейского президента как Ли Сын Ман не менее странно, чем писать Маяковский Влади Мир. Поэтому в большинстве современных корееведческих работ имена пишут слитно (тут надо заметить, что в восточно-азиатских именах фамилия предшествует личному имени).

Наконец, и в современной научной транскрипции существуют свои подварианты — «петербургская» система Холодовича и «московская» система Концевича. Хотя отличаются они немногим, ученые не смогли прийти к единому стандарту. Решение о том, какой системой из двух пользоваться, по сути, является чисто вкусовым, и автор этих строк выбрал систему Холодовича (на мой взгляд, она несколько ближе к тому, как корейские слова произносятся сами корейцы). При этом имена трех членов правящей северокорейской династии — Ким Ир Сена, Ким Чен Ира и Ким Чен Ына — я оставил в традиционном написании. (Отмечу для интересующихся, что в «правильной» транслитерации они были бы Ким Ильсон, Ким Чжониль и Ким Чжонын соответственно.)

Второй проблемой является то, что на протяжении десятилетий при ссылках на источники на языках с нестандартной (не латинской и не кириллической) письменностью от автора требовалось, чтобы они записывались не в родном письме, а в транслитерации. Вызвано это было в первую очередь техническими проблемами: сначала сложностями с набором текстов восточными шрифтами в типографии, а потом несовершенством компьютерных программ, когда до середины нулевых годов восточноазиатские шрифты могли не отображаться на экране компьютера либо при печати файла на принтере.

Эти проблемы окончательно ушли в прошлое еще с появлением Windows Vista, но, увы, сила традиции приводила к тому, что транслитерированные сноски оставались нормой

на протяжении многих последующих лет. Между тем такие сноски — вещь довольно неудобная. Если, условно, в ссылке на газетное сообщение «Сформирован новый состав кабинета министров товарища Ким Ир Сена» вставить фразу не корейским алфавитом, а кириллицей (*Ким Ильсон тончжи-эге сэ нэгак чочжик-ыль виим*), то особой пользы от этого не будет никому. Для не знающего корейский читателя такая фраза будет бессмысленной какофонией, а знающему корейский потребуются лишнее время и силы на то, чтобы восстановить в голове эту фразу, написанную «родным» корейским письмом, тем более что кириллическая запись отражает не все нюансы корейской орфографии.

К счастью, в отношении оформления сносок Россия действует более прогрессивно, чем страны англоязычного мира, и в отечественных книгах постепенно избавляются от транслитерации в примечаниях. Автор этих строк рад приложить руку к столь замечательной тенденции, и поэтому в этой книге все сноски приводятся в оригинальном написании, русским переводом снабжены только ссылки на азиатских языках.

И наконец, еще один стилистический вопрос заключается в том, транслитерировать или переводить иностранные термины, то есть, например, писать ли «инминбан» или «народная группа»? Автор этих строк — сторонник второго подхода. Ведь когда кореец слышит слово «инминбан», он воспринимает его не как набор звуков, а как значимое слово, так же как россиянин, услышавший словосочетание «народная группа», поэтому для точной передачи значения перевод подходит намного лучше.

Вообще иногда транслитерация даже используется для того, чтобы скрыть изначальное значение слова. Классический пример — слово «хунвейбин», которое вообще-то значит «красногвардеец»: понятно, что в годы советско-китайского

раскола «Правде» было как-то не с руки писать о «погромах бесчинствующих красногвардейцев».

Автор же этих строк, напротив, ставит своей целью отразить северокорейскую действительность как можно более объективно, поэтому северокорейские термины в книге приводятся в переводе: «происхождение», а не «чхульсин-сонбун», «центр перевоспитания», а не «кёхвасо», «религия Небесного пути», а не «Чхондогё» и т. д. Исключение сделано для официального названия северокорейской идеологии — чучхе. Как увидят читатели, в Северной Корее это слово со временем превратилось в такое же бессодержательное звукосочетание, каким оно стало в русском языке.

Часть первая
**Становящийся
Солнцем**

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru